

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 298–303

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 298–303

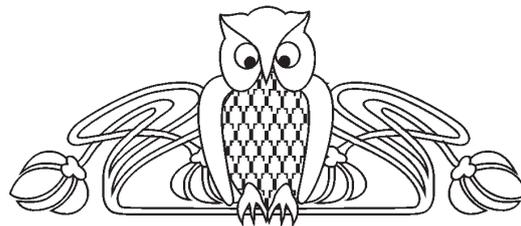
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303>

Научная статья

УДК 1.316

Перемены перемен: социальность и дефицит защиты

О. Ф. Филимонова

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Филимонова Ольга Федоровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии, психологии, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Аннотация. Несмотря на то, что перемены в обществе часто провозглашаются в комбинации позитивных перспектив развития, на практике они совсем не обязательно приведут к положительным результатам для каждого и в целом. Выявляется социально-онтологическая и культурная сущность современных перемен в модусе ненадежности и избыточности систем безопасности. Предлагается горизонт понимания проблемы в режиме перехода к новому технологическому укладу, требующему индивидуальной адаптации людей к рискогенной среде, к социуму без гарантий. Несущей частью содержания являются понятия «дефицит защиты» и «культура контроля». Установлено, что цифровизация не субстанциональна, а эпифеноменальна, что культура контроля – это императив оцифрованной социальности и дегуманизации. Дефицит защиты есть знак перехода к метрической рациональности культуры контроля, которая наращивает бессодержательность форм и смыслов человеческого бытия, упрощая его до формулы адаптации. Природа дефицита защиты не метрическая, но внутренний процесс, который уведит от адаптивной логики защиты к глубине понимания пределов ее вероятности на практике. Качество такого уровня рефлексии определяется не прессингом перемен, а формируется в творчестве мысли и воспитании воли внутри социального целого.

Ключевые слова: перемены, социальность, безопасность, риск, цифровизация, дефицит защиты, культура контроля, метрическая рациональность

Для цитирования: Филимонова О. Ф. Перемены перемен: социальность и дефицит защиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 298–303. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Changes of changes: Sociality and the lack of protection

O. F. Filimonova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Olga F. Filimonova, filmon-2006@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8188-659X>

Abstract. Despite the fact that social changes are often proclaimed as a combination of positive development prospects, in practice they will not necessarily lead to positive results for everyone and in general. The sociological, ontological and cultural essence of modern changes in the mode of unreliability and redundancy of security systems is revealed. The horizon of understanding the problem in the mode of transition to a new technological order, which requires individual adaptation of people to a risk-generating environment, to a society without guarantees, is proposed. The concepts of “the lack of protection” and “the culture of control” are the basic part of the content. It has been established that digitalization is not substantial, but epiphenomenal, and that the culture of control is an imperative of digitalized sociality and dehumanization. The lack of protection is a sign of transition to the metric rationality of the culture of control, which increases the inanity of the forms and meanings of human existence simplifying it to an adaptation formula. The nature of the lack of protection is not metric, but an internal process that leads away from the adaptive logic of protection to the depth of understanding the limits of its probability in practice. The quality of this level of reflection is not determined by the pressure of changes, but is formed in the creation of thought and the upbringing of will within the social whole.

Keywords: changes, sociality, safety, risk, digitalization, lack of protection, culture of control, metric rationality

For citation: Filimonova O. F. Changes of changes: Sociality and the lack of protection. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 298–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-3-298-303>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время напряженно пульсирует один – одновременно простой и сложный – вопрос, который тревожит практически всех людей современного мира: что происходит с нашей жизнью? Разумеется, ответ на него нельзя рассматривать вне как целого, так и части узловых сцепки различных факторов, взаимодействующих несметным числом явных и скрытых способов. Этот процесс, вносящий в жизнь сущностные и существенные перемены, появился не внезапно, но развертывается поступательно. Понятно, что каждая новая эпоха привносит изменения, однако верно и то, что всякое время всегда содержит элементы последовательности в отношении к прошлому. Подобное свойственно и современному миру, ведь человек переменяется не вдруг, а если и меняет образ жизни, то не мгновенно. И все же сегодня чуть ли не каждый говорит о радикальном реформировании реальности. Мы не должны быть непредусмотрительны к публично тиражируемой риторике, согласно которой «мир уже не будет таким, как прежде» (рефрен СМИ). Подобного рода соображения не позволяют отмахнуться от возникающих вопросов. Такой шаг с определенной долей надежды на то, что понимание характера перемен подготовит почву для действия в обстановке имеющих место событий (пандемии, милитаризации, этноагрессии, климатических угроз и др.), вполне оправдан.

В данной статье прежде всего отметим довлеющую роль фактора перемен и смысл теоретических разработок в этом направлении. Также актуализируем проблему дефицита защиты, которая социальной теорией, как правило, позиционируется в качестве вопросов безопасности. Наконец, рассмотрим дефицит защиты в значении перехода к культуре контроля в процессе цифровизации общества.

Перемены: смысловой контур

Идея перемен – старая идея, а сам факт перемен предполагает существенную модификацию в установившемся характере чего-то, что влечет за собой значительные преобразования в характере или образе жизни. В русском языке слово «переменить» означает обменять одну вещь на другую, заменить одно другим. Так что смысл акта перемены выражается «в смене вещи, места или заведения» (по В. Далю). Соответственно, такое действие не является полным уничтожением всего предшествующего; отсюда следует производная форма представления о переменности как выражении свойства того, что может и склонно посменно, попеременно, чередой сменяться, что внезапность

изменений не является обязательной. Но бывает и так, что перемена становится уничтожением либо отрицанием всего с ней связанного, хотя гораздо чаще – это когерентность с продлением элементов прежнего состояния. А поскольку отдельные «осадки» прежнего могут продолжаться и тогда, когда общая перемена уже очевидна и идет полным ходом, то ключевым фактором является не законченность перемен, а их осязаемый импульс, воздействие на окружающую реальность, на культуру, личность, индивидуальность, тела и умы людей. Наконец, совершенно очевидно, что всякая перемена – не нейтральное событие и совершается не для самой себя, а для достижения специфических целей или конкретных проектов.

Перемены: теоретический контекст

Если принять во внимание результаты предпринятого Р. Будоном критического переосмысления принципов и целей, которые проводят и выдвигают теории социальных изменений, то наблюдается следующая типология: теории, ориентированные на поиск и доказательство тенденций изменений; теории, направленные на законы причинно-следственного и структурного характера изменений; теории, сфокусированные не на содержание, а на форму изменений; теории, определяющие причины или факторы социального изменения [1, с. 28].

Рассмотрев суть проблемы, Р. Будон заметил, что «в сумме переменных, выделяемых в ходе теоретического анализа социального изменения, некоторые составляющие играют в целом *большую* роль, нежели остальные» [1, с. 262]. По его наблюдению, в этом обстоятельстве нашли выражение те специфические и распространенные запросы (модели роста и модернизации, улучшение качества жизни), на которые данные теории стремились дать ответ, а также отразилось влияние этих запросов на их содержание (структурные сдвиги мировоззренческих ориентаций, ресурсов и функций имеющихся институтов).

Обратив эту точку зрения на обозначенную нами проблему, можно отметить, что она коррелирует с исследованиями, которые строятся вокруг идеи безопасности. Отметим, что большинство социально-философских оценок проблемы безопасности в ее онтологических и аксиологических основах методологически выстраиваются в теоретическом поле концепции «общества риска», системного и культурфилософского подходов. Соответственно, подчеркнем их наиболее важные моменты и эвристический потенциал.

Безопасность: круг теоретических проблем

Методологическая база теории безопасности положена в основу сопредельных областей социально-гуманитарного знания и стратегий государственной политики. Такое положение дел обусловлено, в первую очередь, классической традицией социально-политической теории, которая позднее закрепляется в качестве ключевой в политико-правовой парадигме.

С этой же традицией связан и другой преимущественный фокус социально-философского анализа безопасности – изучение в рамках системно-теоретических дискурсов, касающихся вопросов перемен в социокультурной жизни в смысле значимости воздействий внутренних и внешних условий. Как ранее отмечал П. Сорокин, перемены в существовании общественных и культурных систем не являются следствием простого переустройства внешних условий, поскольку внешние воздействия не могут радикальным образом изменить систему и «нарушить нормальный ход вещей (то есть обратить развитие желудка в развитие коровы и наоборот)» [2, с. 748].

Важнее, по мысли П. Сорокина, причины внутреннего свойства. Будущее общественной системы зависит от нее самой в каждом частном, конкретном случае, исходит из ее глубин и является результатом ее самоконтроля и влияния окружающих сил. Он приводит следующие аргументы: «... чем многочисленнее состав системы, чем качественнее ее члены в биологическом, умственном, нравственном и социальном отношении; чем больше подлинной мудрости, знания и опыта имеется в распоряжении системы; чем лучше она организована; чем больше средств, влияющих на поведение людей и силы природы, находится в ее распоряжении; чем более солидарно (или последовательно) интегрирована система – тем она сильнее, тем более независима от окружающей среды. И тем больше доля ее собственного контроля при формировании своей судьбы» [2, с. 749].

Соответственно, можно заключить, что сущностным основанием безопасности системы остается принцип целостно организованной интеграции физических и социокультурных ресурсов общества. В такой системной перспективе институциональной защиты властная функция может быть мобилизующей, стимулирующей или репрессивной, однако ее доминантное значение в любом случае не убывает, а сохраняется.

В составе культурфилософского подхода весьма значимы постмодернистские исследования, где проблема безопасности актуализируется в модусе критики рационального действия и идеи

технического прогресса, а также связанных с ними форм социальной организации и управления. Если в системной парадигме рационально-техническое знание было наделено значением гаранта системной, многоуровневой защиты, то в поле антисистемной по своей сути постмодернистской критики было анонсировано радикальное недоверие целям власти и прогрессистского мировосприятия. Обозначим три линии в постмодернистской оптике идеи безопасности.

Ненадежность систем безопасности. Для базового понимания тенденций современной общественной модернизации философская критика актуализировала принцип конечности (системы), тем самым придав идеям сохранения, роста и прогресса проблематичность и несамоочевидность. Если Э. Гидденс в проблеме «онтологической безопасности» ищет причину утраты доверия в новых формах психологической уязвимости, если З. Бауман в быстротечности и незащищенности всего (или почти всего), что имеет значение в жизни, видит неэффективность традиционных стратегий защиты, то У. Бек категорично заявляет о «самоуничтожающемся будущем». Немецкий исследователь поднял вопрос о нормах безопасности, подвергнув критике инструментальную логику и власть структуры, порождающей ужас апокалипсиса. Адепт системной теории Н. Луман, в отличие от У. Бека, связал возрастание фактора риска с экологической, моральной и социальной причиной: этические установки, базирующиеся на «коммуникации страха», продуцируют сильное экологическое беспокойство, а потому препятствуют процессам безопасного развития. Поскольку фундаментальное различие этических устоев, заданных классовой принадлежностью, остается проблемой, Н. Луман не видит новой ценностной основы, посредством которой защита социальности могла бы стать возможной [цит. по: 3, с. 636–639].

Данная линия рассуждений ведет к углублению осознания того, что на фоне функционирования общественной системы изменения кажутся непредсказуемыми. Соответственно, в формате иррационализации рационального проблема перемен переходит в проблему конфликта ценностей и пересмотра нравственных формул, совпадающих с переосмыслением онтологии безопасности.

Избыточность систем безопасности. В перспективе мировоззренческого проекта «микрофизики власти» М. Фуко предпосылки изменений уходят в две важнейшие сферы общества – пространство рационализации риска и область множества технологий безопасности. Согласно М. Фуко на смену «обществу дис-

циплины» приходит «общество безопасности», контролируемое устройствами безопасности. Однако это не означает, что такие устройства отменяют и ограничивают работу структур дисциплинарных механизмов (техники надзора, наблюдения, диагностики) [4, с. 21–22]. Если дисциплина предписывает, то безопасность, которая не запрещает и не предписывает, но «пускает на самотек», делает возможными определенные запреты и предписания. Именно такая регуляция в пространстве самой реальности является, по мнению М. Фуко, определяющей чертой работы устройства безопасности [4, с. 74–75]. Эта реализация власти осуществляется отнюдь не в форме тотального надзора, а посредством совокупности механизмов, необходимых для управления совокупностью сравнительно однородных индивидов, без разделения.

М. Фуко, по словам Ж. Делёза, «дал прекрасный анализ идеального проекта пространства изоляции», однако, по его же замечанию, «дисциплинарные общества... вошли в стадию кризиса... теперь мы уже живем не в дисциплинарном обществе, мы не являемся более таковым» [5, с. 226]. Согласно Ж. Делёзу именно общества контроля идут на смену дисциплинарным. Новые виды ультраскоростных форм контроля, в которых одновременно действуют силы освобождения и порабощения, эксплицируют сверхжесткие формы изоляции, процесс постепенного и фрагментарного перехода к новому режиму господства («новая раса хозяев» по Делёзу). Центральным для концепции Ж. Делёза в проблематике безопасности является факт переоценки формулы рациональности. Теперь это социотехнические механизмы – цифровой язык и топологические модуляции маркетинговых стратегий как инструменты контроля – поддерживают социальную стабильность в волнообразном режиме сменяемости и непрерывности, краткосрочности и бесконечности институциональных и субъективных деформаций. Вопрос – возможно ли приспособиться к новым обстоятельствам и выработать новые формы сопротивления обществам контроля – остается у Ж. Делёза на уровне риторического: «Здесь нет уже места страху или надежде, здесь требуется искать новое оружие» [5, с. 227].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что социальные программы и персональные стратегии жизни повсеместно приобрели защитный характер. Меняются ценностная и нормативная модели, выдвигая на первый план ориентиры не на достижение «наилучшего», а на предотвращение «наихудшего», хотя в любом случае речь идет о поиске и активации адаптивных механизмов.

Примирение с практикой приспособления как неизбежным условием существования в эпоху перемен породило обязательство индивидуального усвоения новых правил самозащиты в виде автодидактики и самовоспитания. Так что антисистемные доводы, колеблющиеся между крайностями возмущения и отчаяния, сами превращаются в систему, т.е. в желание утвердить определенное мировидение с помощью конкретной объяснительной модели.

Дефицит защиты. Идея перемен определяет сейчас риторику и практику. Изменения постулируются как переходы или перезагрузки, а не как самостоятельные периоды жизни и результаты прошлых решений, формирующих хаотичное состояние и сомнительное, если вообще предсказуемое будущее. Проблема дефицита защиты, какой мы ее видим, есть знак перехода, смысл которого заключается в симптоме неориентируемости (как топологическом свойстве) в отношении возможных угроз, а значит, непредставимости способов защиты. Так, переход к модели оцифрованной (цифра – от араб. сифр – ноль, буквально – пустое место) жизни, под которую подводится социальность, оборачивается угрозой для самого ее существования. Лихорадочная одержимость прагматичными интересами по обеспечению мер безопасности, обусловленная отчаянными попытками урегулирования конфликтующих структур, конституирует под любым идеологическим посылом вовлечение людей в обезличенную прозрачность, метризацию (дифференциация, взаимное расположение на основе меры, размера) и нескончаемую коммуникацию (на дистанции).

Можно предположить, что в общий для всех нас мир имплантируется культура контроля, цивилизаторская миссия которой заключается в закреплении поведенческих норм, посредством которых отшлифовывается ее общий стиль. Последний, составляя основу обучения своим брендам, должен будет произвести структурный охват общества. Так или иначе, но факт распространения версий культуры контроля в географическом (и потенциально космическом) пространстве свидетельствует о ее глобальной легализации.

Тем не менее метрическая рациональность, которая определяет инвариантную сущность и логику культуры контроля цифровой перспективы развития, неизбежно сталкивается с тем же явлением, что и философская критика эпохи «пост» – девальвацией ценностей. Переход к новому технологическому укладу воздействует на понижение значимости существующих ценностей как на индивидуальном, так и институциональном уровне, и протекает в интен-

сивном столкновении сложившихся устоев и их трансформаций, эндогенных и заимствованных императивов. В условиях расширенного социального воздействия электронных медиа и многократно умножающего дискурсы Интернета перемены наталкиваются не только на сознательную или неосознанную лояльность, но в большей мере на неприятие и сопротивление целям нового социального переустройства.

В свое время К. Левин, исследуя проблемы, связанные с научением (демократии), отмечал высокую действенность пошагового метода – процедуры, часто используемой в образовании и политике. Суть метода в том, что ситуация, в которую втягивается человек, не настолько отличается от предшествующей, чтобы вызывать большое сопротивление. После того как человек адаптировался (через наказания и награды), делается следующий шаг. Постепенный переход к другому «образцу» в поведении достаточен, чтобы стереть симптомы неприятия (сопротивления) и привести к реорганизации деятельности. Иначе говоря, способ «малых шагов» более эффективен при разрушении сопротивления, чем силовой метод «все сразу». Трансформация когнитивной структуры также успешна в изменении интереса к требуемой деятельности, к старым «привычкам» и ценностям. Например, процедура по модификации социального поведения осуществляется путем непрерывного и планомерного воздействия пропаганды и рекламы, которые «заставляют пропагандируемую деятельность казаться частью или средством доступа к власти, имеющей высокую ценность для этого индивида» [6, с. 98–101]. Не менее эффективным способом добиться желаемых результатов в «научении» новым идеологиям или перемене убеждений «является переучивание сравнительно авторитарных организаторов досуга в превосходных демократических руководителей» [6, с. 101]. Данное соображение, наверное, поможет нам отчасти понять реальную «полезность» политических руководителей, пришедших к власти из среды массовой культуры.

Согласно позиции С. Льюкса «добровольное согласие» и «недобровольное согласие» на господство не исключают друг друга. Властные силовые методы должны существенно дополняться ненасильственными механизмами контроля в виде информации, знаний, формальных процедур посредством формирования определенных ценностей, установок, ожиданий. Интериоризированные иллюзии, как отмечает С. Льюкс, «вполне совместимы с весьма рациональным и трезвым подходом к жизни, в которой такие иллюзии предполагаются» [7, с. 214]. Тот факт, что в ре-

шениях человека нередко может присутствовать высокая степень сознательности, не отменяет, надо полагать, того обстоятельства, что личное счастье и экономическая стабильность могут существенно зависеть от своеобразия иррациональных или противоестественных способов человеческого поведения.

П. Сорокин концептуализировал принцип ограниченности возможностей, согласно которому изменения и адаптация имеют пределы, преступив которые, система (организм) исчезнет, умрет [2, с. 759]. Вполне вероятно, что в силу этого принципа взятая под контроль безопасность будет доведена до своего последнего предела – полного крушения (обнуления) всякой социальности и человечности. Хотелось бы признать ложной подобную последовательность перемен, когда, к примеру, намеренно пропагандируемый, чуть ли не абсурдный (либо скандальный) вызов может быть поставлен на службу интересам, чуждым тому или иному обществу и культуре. То, что социальность вовлекается в небезопасное метрическое пространство культуры контроля, можно признать объективно неизбежным, только осознав объективность принципа ограниченности возможностей. Дефицит защиты не есть калькуляция баланса чего-либо недостающего, это «урок», что продиктован трансцендентным характером альтернативного ответа на радикальность переустройств, на опрошенную формулу приспособляемости. Качественный градус подобной рефлексии неразмошен прессиингу перемен, он формируется творчеством мысли и воспитанием воли внутри социального целого.

Список литературы

1. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М. : Аспект Пресс, 1998. 284 с.
2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика : Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. : РХГИ, 2000. 1056 с.
3. Brand P. The environment and postmodern spatial consciousness : A sociology of urban environmental agendas // Journal of Environmental Planning & Management. 1999. Vol. 42, iss. 5. P. 631–650.
4. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб. : Наука, 2011. 544 с.
5. Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб. : Наука, 2004. 235 с.
6. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб. : Сенсор, 2000. 368 с.
7. Льюкс С. Власть : Радикальный взгляд. М. : Издательский дом государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 240 с.

References

1. Budon R. *Mesto besporyadka. Kritika teoriiy sotsial'nogo izmeneniya* [Place of Disorder. Criticism of Theories of Social Change]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 284 p. (in Russian).
2. Sorokin P. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: Issledovaniye izmeneniy v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnosheniy* [Social and Cultural Dynamics: Research of Changes in Large Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relations]. St. Petersburg, RHGI Publ., 2000. 1056 p. (in Russian).
3. Brand P. The Environment and Postmodern Spatial Consciousness: A Sociology of Urban Environmental Agendas. *Journal of Environmental Planning & Management*, 1999, vol. 42, iss. 5, pp. 631–650.
4. Foucault M. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye. Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezhe de Franse v 1977–1978 uchebnom godu* [Safety, Territory, Population. A course of lectures given at the Collège de France in the 1977–1978 academic year]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2011. 544 p. (in Russian).
5. Deleuze J. *Peregovory. 1972–1990* [Negotiations. 1972–1990]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 235 p. (in Russian).
6. Levin K. *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field Theory in Social Sciences]. St. Petersburg, Sensor Publ., 2000. 368 p. (in Russian).
7. L'yuks S. *Vlast': Radikal'nyy vzglyad* [Power: A Radical View]. Moscow, Izdatel'skii Dom Gosudarstvennogo universiteta – Vyshey shkoly ekonomiki, 2010. 240 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 23.03.2021, после рецензирования 06.04.2021, принята к публикации 05.07.2021
Received 23.03.2021, revised 06.04.2021, accepted 05.07.2021